

«Я — выжатое мясо лимона»

ВЕРОЯТНО,
ДЬЯВОЛ

АСТАШОВА
СОФЬЯ

INSPIRIA

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А91

Эта книга посвящается всему персоналу «Клиники расстройств пищевого поведения» ПКБ №1 им. Н.А. Алексеева. Без вас её бы не было.

Все события и имена в этом романе вымышленные. Любое сходство с реальными событиями или людьми случайно. Это художественный текст, не несущий цель оскорбить или обидеть читателя.

В оформлении переплета использована
картина *Никиты Зимова*

Асташова, Софья.

А91 Вероятно, дьявол / Софья Асташова. — Москва : Эксмо, 2023. — 352 с.

ISBN 978-5-04-185101-9

Возможно ли самой потушить пожары в голове?

Соне двадцать один, она живет одна в маленькой комнате в московской коммуналке. Хотя она замкнутая и необщительная, относится к себе с иронией. Поступив в школу литературного мастерства, она сближается с профессором, и ее жизнь превращается в череду смазанных, мрачных событий.

Как выбраться из травмирующих отношений и найти путь к себе?

Это история об эмоциональной зависимости, тревогах и саморазрушении.

Что движет героиней, заставляя стереть свою личность? Вероятно, дьявол.

«Вероятно, дьявол» — дебютный роман-автофикшн Софьи Асташовой, выпускницы курсов CWS (Creative writing school) и WLAG (Write like a girl).

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Асташова С., 2023

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-185101-9

Still, I've heard it said that all stories are basically love stories, and my story is no exception. This is a love story, too. And, like a lot of love stories, it doesn't have a happy ending.

*O. J. Simpson.
If I Did It: Confessions of the Killer¹*

¹ «Я постоянно слышу, что все истории — это, по сути своей, истории любви, и моя — не исключение. Это тоже история любви. И, как у многих таких историй, у неё не будет счастливого конца» — О. Дж. Симпсон «Если бы я сделал это: признания убийцы».

Пролог

САД

— Нет, фантазёрка ты, Соня! Не говори глупостей! — он говорит, а голова неестественно вращается на собственной оси, как шестёренки заведённых часов.

— Нет, правда, всё время о вас думаю! — я не иду, выпрыгиваю, как тихоокеанский лосось, способный во время нереста достигать высоты до четырёх метров и выше, отчего семейство рыб так и названо «прыгунами».

— Не ври! — глазки-стрелки на пятнадцать часов.

— Не вру! — прыг и смех.

Он всегда повторял это «Не ври!». А я всегда не врала. Ему никогда не врала.

Пару раз отлучался. Один раз пописать — бросал меня посреди одинокого острова на асфальте, а сам скрывался в тёмном переулке меж низких домов.

— Ой, вы куда? — я щедро, как часто прежде, хохочу.

Возвращается и роскошно извиняется, называя меня, как никогда раньше, по имени-отчеству.

— Ничего, вы же мальчик, — вычерчиваю носком туфли на асфальте, как на географической карте, территорию распространения верблюдов.

— А что, девочки не писают?

Писают ещё как! От страха писают в трусики. Так я его боялась — горячим страхом, от которого моментально становилось холодно и чесалось.

Другой раз отлучился ответить на назойливый беззвучный звонок.

— Закрой уши.

Я, как послушная обезьянка, безропотно подчиняюсь. Телефон красиво ложится в его ладонь, а у тени на асфальте образуется горб. Позвоночник у верблюдов прямой, несмотря на наличие горбов.

До этого мы не виделись где-то около года, может, чуть меньше или чуть больше. Наши встречи после того летнего вечера на веранде ресторана «Дача» я могла пересчитать по пальцам. Это мало. Но для меня — много. Я так его боялась, что даже одного свидания было для меня много, ведь он и так всё время был у меня в голове. И я никогда ему не врала.

Конечно, врала, если считать враньём стремление всем своим существом угадать, что он хочет услышать. Я только этим и занималась — угадывала. Сколько воды может выпить верблюд? До 200 литров за раз.

— Не верю! — глаза вращаются в глазницах, как заведённые. Я слышу движение с высокой башни старых часов.

— Конечно, правда, ведь прошло совсем немного времени. Год или два.

Часовой механизм останавливается. Задумывается. Взвешивает время на весах вечности.

Мы проводили вечер в ресторане «Дача» после ночи на даче. Все началось в ресторане «Дача». Всё закончилось в ресторане «Дача». Как бы закончилось, но не закончилось. Я осталась заядлой дачницей — возвращала сад, который он во мне создал. Сначала сжёг напропалую все сорняки, которые там росли, превратил в золу. А потом совершил чудо — разбросал тут и там фруктовые деревья и дикий пронзительно-кислый виноград. Чёрную смородину и крыжовник. Карликовую вишню и фиолетовый базилик. Тыковку и грецкий орех. Клубнику и малиновый куст. Зрелые ягоды падали с веток и гнили. Плакал грустный жасмин.

Раз в год мы гуляли по саду, как Данте и Беатриче. Он, как раньше, как многих девушек, отмеченных печатью избранности или попросту попавших под руку, называл меня Мусей, Мусечкой. Упруго тянул:

— Мусь, ну Мусь, ну что?

Я мычала в ответ.

— Удивительно, Соня, каждый раз с тобой я чувствую себя, так сказать, странно...

— Как в саду?

— Да! Как взрослый в детском саду.

— И я себя чувствую, как в детском саду, а вы — взрослый, который меня забирает.

Забрал он меня не из сада, но из Школы, прямо с занятий. Приходилось прогуливать.

— Там ничего интересного, какая-то скучная лекция.

Я заговорщически перемигиваюсь на пороге алма-матер с заинтересованным охранником, носившим замечательное немецкое имя Рудольф и седые курчавые брови.

Как радостно вывалиться в дождливый полдень и скакать галопом по лужам вокруг Мастера! На мне, по парижской моде, чёрный плащ, подпоясанный красным ремнём, и берет цвета бургундского. Придумываю стишок:

Mon cher petit papa¹
Хочу бургундского вина!

Mon cher petit papa звонко прихлопывает меня ладонью по голове, как мячик.

— Соня, не стыди меня!

Ждём поезд на платформе метро. Сжимаю его руку и незаметно оглядываюсь — нет ли поблизости ещё прогульщиков. В другой руке держу розовый квадратный портфель с тетрадками.

¹ Мой дорогой папочка (*фр.*).

— Что же ты обо мне думаешь? — тик-так, снова металлический звук точных механизмов.

— Думаю, что вы — волшебник! А ещё — Мастер, часовщик, а я — механическая кукла, которая вдруг заговорила.

Смеётся — в это он верит. Сам говорил:

— Я — волшебник. Превращу тебя в лягушку, если будешь говорить глупости.

— Я не буду, не буду! — я не буду.

— Не веришь? А я так уже превратил пару девочек, говоривших глупости, — выпученные глаза заискрились.

Волшебник. Колдун на сельской свадьбе.

Я, конечно, верила. Он мог устроить что и похуже. Его сад был заселён лягушками. Мой сад был заселён лягушками. Сколько раз я слышала, как он говорил другим неопытным девочкам то же самое на той же даче: «Превращу тебя в лягушку!» Он всегда говорил одно и то же, а потом забывал, и опять говорил теми же словами, но уже другим людям. Я таяла, подмечая и запоминая его слова. Мне нравилась эта жестокая игра: я — дипломат, миротворец. Утираю слёзы и приказываю молчать малышам, в первый раз оказавшимся на подмосковном пляже, изначально предназначенном для дипломатической элиты и зарубежных гостей. Кстати, на нём же Светлана Светличная — любимая актриса Мастера — позировала в бикини для фотографов немецкого журнала «Штерн».

— Тоже ты придумала — волшебник! Неоригинально.

Механизм в голове отсчитывает секунды в такт экрану с электронными часами над чёрной дырой туннеля.

— Ну и что, что волшебник? Что ещё ты обо мне думаешь? — я уже слышу нотки раздражения в его голосе.

На этот вопрос трудно угодить с ответом. Мозг отключается, нужно быть готовой — придумать что-нибудь эдакое заранее. У меня было несколько заготовок:

Думаю о том, как сделать вам приятно.
Думаю, чем вас удивить.
Думаю, как вам благодарна.
Думаю, как мне хорошо с вами.
Думаю о том, как вы ходите.

Выбираю последний:

— Думаю о том, как вы ходите.

— И как же я хожу? — лягушачий рот растягивается в удивлении.

— Так красиво... Величественно, как рок-звезда! — смотрю снизу вверх и, довольная, упиваюсь своей находчивостью.

На груди он носил две звезды. Одна — маленькая на тонкой цепочке. Другая — большая и тяжёлая, грубо отлитая из серого металла. Эта, большая, звонко и ритмично стучала мне по зубам.

— Глупая ты, Соня, фантазёрка!

Глава 1

ЗАМУХРЫШКА

На полу валяется забытая пустая коробка из-под затёртой кассеты с печатью видеопроката. Киноплёнка про мужчину и женщину в удаляющемся по маршруту троллейбусе. Он купил ей билет, спас от злобной кондукторши, а она одарила его взглядом из рая. Их история закончится плохо. А наша?

О том, что ответы нужно придумывать заранее, я узнала почти сразу. Он задаёт вопросы и ждёт: «О чём ты думаешь? Что ты хочешь?» Вопросы вроде самые простые и одновременно — самые сложные. Не дай бог ответить «Не знаю!» Сатанеет. Звереет. Ненавидит.

— Если ты не знаешь, чего хочешь, значит, не хочешь быть со мной.

— Хочешь, чтобы я тебя трахнул? Как банально, но большего я от тебя и не ожидал. Если хочешь, чтобы тебя кто-то трахнул, выйди на дорогу, останови тачку, там какой-нибудь пацанчик тебя трахнет.

А он не для этого. Он — бог секса. Самый изощрённый, самый что ни на есть опытный, самый трепетный и самый требовательный — самый лучший. Ну а ты кто? Ты никто, серая мышь. Замухрышка.

— Соня, ну чего ты такая замухрышка?

Самым настоящим счастьем было слышать, как он называет меня по имени. Но это не тот случай, когда можно, вздохнув как старый верблюд, отмолчаться. Нужно отвечать, и хорошо бы иметь ответ наготове, но в этот раз я и рта открыть не успела.

— А может, она лесбиянка? — спросил любимый ученик и помощник Профессора — Боря, а для нас — Борис Дмитриевич. Он мог говорить и делать всё, что вздумается.

Я улыбалась. Вот-вот начнётся веселье — разговор двух неотразимых мужчин. Мне можно просто молчать. Профессор заинтересованно развернулся к молодому коллеге, закинув руку на спинку дивана, и с удовольствием растянул улыбку:

— Да нет, не лесбиянка.

Борис в свойственной ему манере выпендриваться, как пятилетний Моцарт, боролся до конца:

— А ты откуда знаешь?

Он был единственным среди нас, кто мог позволить себе с досадой в голосе обращаться к Профессору на «ты».

— А тебе всё скажи! — Мастер потянулся к холодному пиву, а я едва не рассмеялась от облегчения.

Пока они беседовали, тихая официантка с лжевьетнамским лицом поставила на стол три бокала пива по акции — три по цене двух. Угадайте, кто берёт два? Ему весело. Он прекрасен. Лысый довольный божок.

Вы бы обиделись? Я почему-то обижалась только на Борю. Лесбиянкой я не была, а вот замухрышкой — вполне. На курсе по зарубежной литературе мы проходили «Божественную комедию» Данте. Профессор предложил написать сочинение на тему «Любовь Данте к Беатриче Портинари».

— Представьте женщину, похожую на Беатриче, сейчас, в наше время? Как она выглядит?

Я представила — ни больше ни меньше — себя и написала: «Она была хороша удивительной старинной красотой — такие лица встречаются на иконах и картинах старых мастеров. Только поэту дано постичь её красоту:

Надмение и гнев пред нею тает.

О донны, кто её не восхвалит?»¹

Я была посредственностью с амбициями провинциалки, пока не встретила бога секса, пока он не открыл мне глаза на борьбу периферии и центра.

— Ты не секси. Значит — замухрышка.

На втором уроке мы выучили — девушки делятся на секси, замухрышек и лесбиянок.

После семинаров по средам мы ходили во вьетнамское кафе. Не помню, как оно называлось. Просто «Вьетнам». Я дала название месту, которое хотела присвоить. «Вьетнам» был только моим, с мятно-зелёными стенами и туалетом, спрятанным за пёстрой шторкой. А за окном всегда рано темнело. Я не смотрела в окно, просто знала, что там темно. Как говорил Мастер: «Уют — это всегда усилие». Под тёплым светом лампы мне было уютно, как тасманскому дьяволу в саванне близ пастбищ острова Маккуори. В кафе приходило много посетителей, но никто не оставался так долго, как мы. А я до сих пор сижу там и веду счёт наших встреч, чтобы пальцев на руках не хватило, чтобы знать, что причастна. Я придумала, как мне казалось, хитрость — ходила не только со своим курсом, но и с младшим — по средам и вторникам. Смешная хитрость идущих на смерть. Ave, Caesar, morituri te salutant².

Деревянная вешалка на фигурных ножках ломилась под весом наших одежек. Похожая на взрослую пальму, она таила угрозу, от которой режет глаза, как от солнца. Ты не выберешься, даже не думай, не сбежишь — не пытайся. Мы

¹ «В своих очах Любовь она хранит...» — Д. Алигьери. Перевод А. Эфроса, М. Лозинского.

² «Славься, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя» (лат.).

уйдём только вместе. Моё пальто погребено глубоко под ворохом чужой одежды. Конечно, можно сбежать без него, но кому такое придёт в голову? Пока куртка Профессора висит на самом верху, как призовой орех, никуда ты не денешься. Мы все здесь, чтобы его развлекать. А если всё-таки в отчаянном порыве ты осмелился и изловчился, извлёк пальто, пока за столом велась оживлённая беседа, Профессор беззаботно смеялся и казалось, будто ему всё равно, что за мышь копошится в тряпках. Ты откашлялся, чтобы деликатно попроситься, не привлекая особого внимания.

— Куда это мы собрались?

— Простите, мне надо... — говоришь ты настолько тихо, как только можно произнести эти слова.

— Что ты там мямлишь? Садись. Ну посиди ещё немного, мы тоже скоро пойдём.

И ты сидишь в пальто, потеешь на краешке дивана, не решаясь двинуться ни туда, ни обратно. Но, к счастью, до этого ещё далеко — мы ещё в пути. Около шести заканчивается семинар, а на самом деле — когда Профессор проголодается. Он раньше всех покидает здание Школы, пока мы пробиваем пропуска на охране и проходим через турникет.

— До свидания, Рудольф Рамазанович! — я любовно прощаюсь с охранником, две буквы «р» в имени которого роднят его с Профессором.

— Никого не ждём — дорогу все знают, — бросает Профессор.

Он не любит ждать, не ждёт зелёного сигнала на светофоре — перед ним уже маячат зелёным стены «Вьетнама».

Когда мы заходим в кафе, никто не садится. Детки переминаются с ноги на ногу, шарят по карманам, извлекая, как взрослые, телефоны и кошельки. Возле стола мешается толпа, пока кто-то не выдерживает напора нелепости и не забирается в угол к окну. И вот мы уже все сидим, листаем